

УДК 808-5+304.4

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА**© Е. А. Казанцева^{1*}, Ф. Г. Фаткуллина², Э. К. Валиахметова³**

¹Уфимский государственный нефтяной технический университет
Россия, Республика Башкортостан, 450062 г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.

Тел.: +7 (927) 333 13 35.

*Email: consul200@yandex.ru

²Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 272 74 63.

Email: fluzarus@rambler.ru

³Уфимский юридический институт МВД РФ
Россия, Республика Башкортостан, 450091 Уфа, ул. Муксинова, 2.

Тел.: +7 (917) 440 38 39.

Email: Belaya2808@yandex.ru

Несмотря на бурное развитие институциональной дискурсологии в мировом научном пространстве, в отечественной науке последних лет наметилась определенная тенденция к эклектичности дискурсивных исследований, что вызывает озабоченность и критику научного сообщества. В данной статье делается попытка найти рациональные подходы к практическому исследованию институционального дискурса. Отталкиваясь от понимания дискурса как механизма психоэмоционального воздействия на представителя определенной социальной среды, авторы рассматривают распределение ролей в речевом акте по уровню эмоциогенности воздействия от позиции доминирующий-подчиненный до позиции агрессор (манипулятор)-жертва. Дискурс-анализ в данной работе трактуется как исследовательская практика, вмещающая в себя разные междисциплинарные методы, сложившиеся в мировой науке. С точки зрения практических проблем исследования институционального дискурса обсуждаются вопросы выбора релевантных методов анализа, количества и качества анализируемых эмпирических данных, корректности отнесения к определенному типу дискурса, формулируется предположение о наличии зон пересечения разных типов институционального дискурса. В заключение авторы обосновывают наиболее практически ценные на сегодняшний день направления исследования институционального дискурса.

Ключевые слова: институциональный дискурс, психоэмоциональное воздействие, рациональный сценарий, аффективный сценарий, методологические проблемы дискурс-анализа, интердискурсивные связи, количественные и качественные показатели эмпирического материала.

Термин *дискурс*, впервые введенный в научную практику Т. А. Ван Дейком [14], широко применяется в ряде научных направлений и дисциплин, таких как лингвистика, философия, социология, социолингвистика, психология и др., что определяет его междисциплинарный характер и, как следствие, неоднозначное его восприятие представителями разных научных направлений и школ. Наибольший научный интерес вызывают на сегодняшний день исследования различных видов институционального дискурса, отражающих состояние и динамику развития современного общества.

Опираясь на предыдущие исследования авторов, в данной работе понятие *институциональный дискурс* понимается как механизм психоэмоционального воздействия на речевого партнера – представителя конкретной социальной среды. При этом распределение ролей в речевом акте по уровню эмоциогенности воздействия ранжируется от позиции *доминирующий-подчиненный* до позиции *агрессор (манипулятор)-жертва*. Для снятия проблемы терминологических сложностей авторы предлагают не отождествлять дискурс-анализ с ис-

следовательским методом, а считать его подходом или направлением – исследовательской практикой, вмещающей в себя разные междисциплинарные методы, сложившиеся в мировой науке [1; 4; 7].

Помимо широко обсуждаемых терминологических проблем, основной и наиболее практико-ориентированной проблемой, стоящей на пути исследования дискурса является проблема методологии. Именно отсутствие четко выработанных методов и техник анализа вызывает больше всего критики в адрес дискурсивных исследований.

Основным камнем преткновения является вопрос о понимании сути *дискурс-анализа*. Поскольку дискурсивные исследования получили столь широкое распространение, термин *дискурс-анализ* привлекает внимание большинства современных исследователей, каждый из которых стремится понять это явление и дать его характеристику. Все это множество дефиниций и трактовок связывает один вопрос: является ли дискурс-анализ исследовательским методом? Однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет. Так, Н. Филипс и С. Харди рассматривают дискурс-анализ «как, скорее, *методологию*,

нежели метод – т.е. как эпистемологию, объясняющую способы познания социального мира, а также как *систему методов*, необходимых для изучения этого» [12]. Энциклопедический словарь прикладной лингвистики [11] определяет дискурс-анализ как *изучение* способов обмена коммуникантами значениями, целями и смысловыми структурами с помощью языковых единств; изучение качества смысловой связности». Другие авторы применяют в дефинициях дискурс-анализа такие ключевые лексемы, как:

- *совокупность* методик и техник ... [3];
- *процесс* обнаружения структуры высказывания ... [10];
- *исследование* функций и способов использования языка ... [13];
- *форма* текстового анализа ... [3];
- не просто *метод*, но и *подход* к природе языка ... [15].

Несмотря на такую полифонию толкований, по выделенным ключевым лексемам можно сделать однозначный вывод о том, что ни один исследователь не берет на себя ответственность назвать дискурс-анализ именно *методом* анализа. Следовательно, необходимо признать, что сам дискурс-анализ (во всяком случае, на сегодняшний день) им не является. Его, судя по вышеприведенным авторитетным мнениям, правильнее считать подходом и исследовательской практикой, вмещающей в себя разные междисциплинарные методы, уже сложившиеся в мировой науке.

Если согласиться, что дискурс-анализ является исследовательским подходом или направлением, привлекающим в силу поставленных перед ним важных практических задач комплекс методов и техник, уже разработанных и устоявшихся в смежных науках, изучающих человека и язык, то целесообразность такого подхода становится совершенно очевидной. Подобно социолингвистике, которая также является относительно юным направлением в языкознании, дискурс-анализ проявляет все признаки «методической всеядности» (метафора В. А. Звегинцева), что надо признать вполне закономерным в силу межотраслевого характера и многофакторности исследования дискурса. Отсутствие собственных методов на наш взгляд никак не умаляет ценности дискурс-анализа, состоящей (в самых общих чертах) в изучении взаимодействия и взаимовлияния языка и социума во всей многосторонности этого явления. Возможность синтеза в рамках одного исследования многих научных подходов к изучению человека, объединение (в отличие от традиционной семиотики) означающего и означаемого, одновременный анализ материала на нескольких уровнях языка, включение широкого социального контекста и психологических особенностей участников коммуникативного акта – все это и есть те черты, которые отличают дискурс-анализ от других направлений исследования языка,

то, что делает его уникальным и практически востребованным. Более того, дискурс-анализ отчетливо вписывается в портрет мировой науки XXI в. с ее тенденцией к более узкой специализации с одной стороны, и другой – к объединению научных отраслей в новые направления (квантовая биология, синтетическая биология, клиодинамика, на-нопсихология, нейроэкономика и др.).

Как и в любом другом научном направлении, дискурс-анализ опирается на основные общенаучные методы эмпирического исследования (наблюдение, эксперимент, описание, сравнение, измерение), методы теоретического познания (формализация, индукция, дедукция), общелогические методы (анализ, синтез, обобщение, аналогия, моделирование, системный подход, вероятностный метод), методы лингвистического анализа (описательный, сопоставительный, корреляционный, метод корпусной лингвистики и др.), методы когнитивистики (метод понятийного моделирования и др.), социологические методы (опрос, анкетирование, тестирование, интервью, метод включенного наблюдения, метод ситуационного/событийного моделирования и др.), методы психологии (ментальные карты, метод графов К. Левина, методы вероятностного моделирования, игровые методы и др.), математико-статистические методы (социометрия, корреляционный анализ), методы компьютерного моделирования (e.g. программа TALK, моделирующая ситуации общения на основе транзакционного анализа). Сложность задачи исследователя дискурсивных практик состоит, таким образом, в том, как отобрать из этого множества те методы, которые будут релевантны и одновременно необходимы и достаточны именно для данного конкретного исследования.

Безусловно, достоверность полученных результатов зависит не только от правильно выбранных методов исследования. Следующей проблемой становится сбор эмпирических данных, что для анализа такого сложного явления как дискурс, тоже является непростой задачей.

Во-первых, по количественному показателю, выборка должна быть достаточно репрезентативной, что, учитывая многоаспектность исследования, является серьезным осложняющим фактором.

Во-вторых, не должны вызывать никаких сомнений качественные показатели выборки. При изучении устного модуса дискурса исследователь должен опираться только на достоверные, реально существующие тексты, записанные с помощью технических средств, поскольку при фиксации устной речи помимо слов необходимо учесть множество сопутствующих факторов – паузы, смех, просодия, наложение реплик, эллиптичность реплик и т.д., без чего анализ устного дискурса теряет смысл. Разработкой методов транскрипции активно занимаются целые коллективы отечественных и зарубежных исследователей языка. (Е. А. Земская,

Дж. И. Дюбуа, Дж. И. Гамперс и др.). К тому же, речевое поведение коммуникантов может меняться при информированности их о присутствии средств записи. Это также несколько затрудняет процесс исследования.

При отборе текстового материала для исследования письменного модуса институционального дискурса также могут возникнуть определенные сложности. Например, проблематичным может оказаться вопрос об отнесенности высказывания или текста к определенному типу институционального дискурса. По одному ключевому слову, и даже высказыванию, сделать правильный выбор далеко не всегда возможно. Для подтверждения корректности такого отнесения требуется расширенный языковой контекст. Продемонстрируем этот тезис на примере лексемы *кислород*, которая является ключевой во всех следующих высказываниях:

Вот здесь, на рентгеновском снимке видны зоны склероза, которые сигнализируют о сдавленности костной ткани и дефиците кислорода. – медицинский дискурс (врач объясняет пациенту детали диагноза)

Америке перекроют кислород: Саудовская Аравия собирается «серьезно пересмотреть» политику поддержки нефтедоллара и экономики США. – политический дискурс, масс-медийная форма.

Давай выйдем на свежий воздух, а то у нас уже кислородное голодание начинается. – бытовой дискурс (в обстоятельствах длительного нахождения в душном помещении).

Каждый литр крови способен переносить до 180–220 мл кислорода. – текст может относиться к научному, образовательному, спортивному дискурсу. Без информации об участниках и/или хронотопе речевого акта вывод сделать невозможно.

Трактовка понятия *контекст* также требует уточнения, так как этот термин может восприниматься и как языковое (вербальное и невербальное) окружение текста, и как социальная ситуация, в которой происходит данное коммуникативное событие. Очевидно, что для исследования механизмов институционального дискурса основную роль играют экстралингвистические параметры коммуникативного события. Связь между коммуникативной ситуацией и дискурсивными структурами, реализующимися в ней, также видится неоднозначной. До некоторой степени они взаимно влияют друг на друга, но тем не менее в реальном общении речевое поведение коммуникантов может значительно варьироваться в силу их индивидуальных психологических особенностей и социально-коммуникативного опыта.

Определенные трудности представляют также зоны инклюзивности: как в реальной жизни социальные институты образуют единую систему, так и соответствующие им типы институционального дискурса не существуют отдельно друг от друга,

постоянно находясь в отношениях взаимовлияния и взаимопроникновения. Следовательно, выделяемые типы институционального дискурса имеют определенные зоны пересечения. Среди них можно выделить родственные, близкородственные типы (научный и образовательный дискурс; юридический и военный дискурс; политический и исторический дискурс и др.) и более далекие друг от друга (например, медицинский и управленческий дискурс).

Отдельно в этой связи нужно отметить художественный дискурс. Будучи бытийным (противопоставляемым институциональному) типом дискурса, он выполняет функцию отражения всех проблем и болезней общества, рисует портрет социума через призму индивидуального восприятия автора. Вероятно, есть основания предположить, что он играет интегрирующую роль, имея зоны пересечения со всеми другими типами дискурса. Специфической особенностью художественного дискурса является параллельность/одновременность двух коммуникативных событий – внутренних по отношению к тексту (между героями) и внешних (между текстом и адресатом). Тогда можно сделать еще одно предположение, что бытийность художественного дискурса проявляется во внешних коммуникативных событиях, в его обращенности к адресату, а потенциальная институциональная его отнесенность проявляется во внутренних событиях. Интересно отметить, что Ю. Нагибин в своих дневниках пишет, что настоящей истории не существует, от нее остаются только те легенды, которые придумывают писатели и киношники. Т.е. сквозь призму художественного текста подается преобладающая часть всего, что формирует мировоззрение носителя данной культуры.

Приведем еще один пример коммуникативной ситуации (цитата из романа Б. Акунина «Операция «Транзит»»), которую, на наш взгляд, следует отнести к зоне пересечения художественного и историко-политического дискурсов:

А1: Мы в России будем стрелять, много стрелять. Революция только начинается.

А2: Губернатора стрелять – никакая не революция. Одного грохнули – другого назначили, хуже прежнего.

Рассмотрим этот диалог в двух ракурсах (как историко-политический дискурс). Модус: устный. Хронотоп: апрель 1917 г., Швейцария. Участники: русские революционеры. В этом речевом акте адресант имеет исходную целевую установку привлечь собеседника к революционной борьбе, для чего он запускает положительно заряженный аффективный сценарий *радость*, о чем свидетельствует повтор лексемы *стрелять* и усиление наречием *только*. Однако, адресат, опираясь на свой индивидуальный социальный опыт и сложившееся мировоззрение, уклоняется от воздействия адресанта, запуская в ответ аффективный сценарий *обман*, и адресант не достигает намеченной цели (как бытийный дис-

курс). Модус: письменный. Хронотоп: место и время – не специфицируется. Участники: автор и читатель. Цель – вызвать у читателя сочувствие, то есть те же эмоции, что испытывает автор по отношению к описываемым событиям. В этом ракурсе обращают на себя другие индикаторы: усиление отрицания, противопоставление, использование негативно окрашенных лексем. Через них читатель впитывает эмоциональное отношение автора к описываемым событиям, которое в свою очередь воздействует на личное психоэмоциональное состояние читателя.

Вышеизложенные соображения находятся в соответствии с выводами ведущих исследователей языка (Н. Д. Арутюнова, Е. Г. Задворная, В. И. Карасик и др.) о том, что дискурсивный анализ является инструментом исследования не только и не столько самого языка, сколько законов и механизмов его жизни в социуме. Поэтому исследования дискурса нужно проводить не ради углубления знания о самом языке, а ради использования потенциальных возможностей языка влиять на сознание и поведение человека, и в конечном итоге ради выработки языковых механизмов воздействия на социум там, где существуют или наметились социально-психологические проблемы [5–6].

Классификационно можно выделить три основных направления исследования институционального дискурса, представляющих на наш взгляд наибольший интерес с прагматической точки зрения:

- исследование отдельно взятых типов институционального дискурса и выявление их внутренних механизмов вербального воздействия с целью улучшения коммуникативного климата в данном социуме;

- исследование интердискурсивных связей разных типов институционального дискурса с целью 1) выявления универсальных и специфических признаков, степени их инклюзивности, 2) переосмысление взаимоотношений между социальными институтами (например, системой образования, государством и экономикой);

- сопоставительный дискурс-анализ, с целью 1) выявления лингвокультурных сходств и различий механизмов передачи, приема и обработки информации 2) изучения мирового опыта разработки и применения универсальных технологий социально-психологического воздействия, содействующих улучшению коммуникационного климата.

Необходимо отметить, что лингвокультурологические исследования институционального дискурса в сопоставительном аспекте в отечественной лингвистике до настоящего времени представлены очень мало. Можно назвать работы Э. В. Будаева, А. О. Стеблецов и некоторых других исследователей. Тем временем практическую ценность таких исследований трудно переоценить. Еще в 2011 г. эксперты Института психологии РАН пришли к выводу, что россияне стали конфликтнее, злее, и начали терять способность к самоконтролю. Дест-

руктивность общения стала предметом пристального внимания российских ученых, поскольку процесс неумолимо набирает темпы во всех социальных сферах, не исключая даже семью и школу [2; 7–8]. Негативно заряженный дискурс наносит не только психологический, но и физиологический ущерб участникам дискурса, причем этот ущерб может иметь грандиозные масштабы, вплоть до общенационального уровня [9], поскольку процессы разрушения конструктивной коммуникации способствуют росту числа психически больных людей. Так, по прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности. В России же их число уже достигает 25% от общего населения.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что поиск языковых механизмов преодоления этих разрушительных процессов на сегодняшний день становится острой необходимостью. И мировой опыт дискурсивных исследований, приведший к разработке многих эффективных инструментов для борьбы с деструктивностью общения (например, так называемая «позитивная психология», направленная на развитие всего лучшего, что есть в человеке; принудительные курсы обучения контролю над агрессией и др.), может дать необходимые стратегии для разработки подобных инструментов в России.

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФФИ научных проектов №17-04-00193/ОГН и №17-04-00042/ОГН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиахметова Э. К. Дискурс-анализ коммуникативного воздействия предвыборной речи Д. Трампа // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-2(80). С. 297–299.
2. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 430 с.
3. Джерри Д., Джерри Дж. Дискурс-анализ // Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М.: АСТ, 1999. 544 с.
4. Казанцева Е. А. Особенности стратегий и тактик речевого воздействия в современном образовательном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-2(80). С. 317–319.
5. Казанцева Е. А. Эмотивность и эмоциогенность различных жанров дискурса: история и перспективы исследования // Успехи современной науки и образования. 2017. №1. Т. 3. С. 47–50.
6. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
7. Фаткуллина Ф. Г. Особенности современной межличностной коммуникации: деструктивное общение // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Уфа, УГНТУ, 2016. С. 203–209.
8. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1(038). С. 54–61.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

10. Australian English Dictionary (AED). 2014. URL: https://www.lexilogos.com/english/australian_english_dictionary.htm (дата обращения: 14.04.2018).
11. Encyclopedic Dictionary of Applied Linguistics (EDAL). Ed. by: Keith Johnson and Helen Johnson. Blackwell, 1999. 400 p.
12. Phillips, Nelson; Hardy, Cynthia. What Is Discourse Analysis? In N. Phillips and C. Hardy Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/discourse-analysis/book225400> (дата обращения: 14.04.2018).
13. Scott J. Oxford Dictionary of Sociology. Oxford University Press. 2014. 709 p.
14. Van Dijk T. A. Discourse as structure and process. Sage, 1997. Т. 1.
15. Wodak R. & Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London Sage, 2001. 200 p.

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.

PRACTICAL ISSUES OF RESEARCH OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

© E. A. Kazantseva^{1*}, F. G. Fatkullina², E. K. Valiakhmetova³¹*Ufa State Petroleum Technological University
1 Kosmonavtov Street, 450062 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*²*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*³*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
2 Muksinov Street, 450091 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (927) 333 13 35.***Email: consul200@yandex.ru*

Despite rapid development of institutional discourse studies in the world scientific space, the trend toward eclecticism took place in the discourse studies of the Russian science of recent years. This fact is a matter of concern and criticism of the Russian scientific society. In this article, an attempt is made to develop a rational approach to institutional discourse studies. On the basis of understanding institutional discourse as a process, a tool, and a mechanism of psychological and emotional impact on a representative of a specific social group, the authors consider the role distribution in a speech act as ranging from dominant-subordinate position to aggressor (manipulator)-victim position. Discourse analysis is understood as a research practice involving various multidisciplinary methods existing in the world science rather than a research method. Among the practical challenges of institutional discourse studies, issues of choosing the relevant methods of analysis, the quantity and quality of empiric data analyzed, as well as the correctness of discourse classification. An assumption is made that there are intersectorial zones between different types of institutional discourse. In conclusion, the authors justify the directions of institutional discourse studies, which are currently considered as the most important.

Keywords: institutional discourse, psychological and emotional impact, rational and affective scenario, methodological problems, discourse analysis, interdiscursive bonds, quantitative indices, qualitative indices, empiric data.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Valiakhmetova E. K. *Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. No. 2-2(80). Pp. 297–299.
2. Volkova Ya. A. *Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: diss. ... d-ra filol. nauk. Volgograd*, 2014.
3. Dzherri D., Dzherri Dzh. *Diskurs-analiz. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'*. Vol. 1. Moscow: AST, 1999.
4. Kazantseva E. A. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. No. 2-2(80). Pp. 317–319.
5. Kazantseva E. A. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2017. No. 1. Vol. 3. Pp. 47–50.
6. Fatkullina F. G. *Kategoriya destruktivnosti v sovremennom russkom yazyke: diss. ... d-ra filol. nauk. Ufa*, 2002.
7. Fatkullina F. G. *Problemy sovremennoi filologii i aspekty prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskome vuze. Ufa, UGNTU*, 2016. Pp. 203–209.
8. Chernyavskaya V. E. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2014. No. 1(038). Pp. 54–61.
9. Shakhovskii V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii [Linguistic theory of emotions]*. Moscow: Gnozis, 2008.
10. *Australian English Dictionary (AED)*. 2014. URL: https://www.lexilogos.com/english/australian_english_dictionary.htm (data obrashcheniya: 14.04.2018).
11. *Encyclopedic Dictionary of Applied Linguistics (EDAL)*. Ed. by: Keith Johnson and Helen Johnson. Blackwell, 1999.
12. Phillips, Nelson; Hardy, Cynthia. *What Is Discourse Analysis? In N. Phillips and C. Hardy Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/discourse-analysis/book225400> (data obrashcheniya: 14.04.2018).
13. Scott J. *Oxford Dictionary of Sociology*. Oxford University Press. 2014.
14. Van Dijk T. A. *Discourse as structure and process*. Sage, 1997. Vol. 1.
15. Wodak R. & Meyer M. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London Sage, 2001.

Received 05.06.2018.